

себя соавтором, я летаю»

компаниях с разными партнерами. Я знаю точно, что если войду в конфликт с партнерами, если начну делить «одеяло», у меня ничего не получится. Поэтому я придумала такое приспособление: я должна вести себя на сцене в зависимости от поведения партнеров. То есть танцевать не от ткани давно созданного спектакля, а от сегодняшнего состояния партнера. Более того, когда это удастся реализовать, в спектакле может возникнуть что-то новое и свежее. Правда, бывает, что партнер невнимателен к тебе, нетактичен и «наступает тебе на горло». Но и в этом случае ты получаешь свой «подарок». Ты можешь найти сегодня то, чего никогда еще не было. А если разозлиться, обидеться – спектакль пропал. Такое бывало.

– Через полтора часа начнутся "Винзорские насмешницы" – один из лучших ваших спектаклей. В нем вы, кроме всего прочего, демонстрируете великолепную пластику. Вы занимаетесь этим специально?

– Ой, я про пластику ничего не знаю. Я такой не спортивный человек! А в этом спектакле есть какая-то загадка: прихожу в театр с хриплым голосом, а на сцене он становится певучим, до спектакля ноет радикулит, а на сцене эдак лихо и кокетливо скачу на мысочках. А уйду со сцены – опять «схватывает». Что-то прелестное и бездонное заложено у Шекспира в этой пьесе. Хотя вроде несложная комедия: два притопа, три прихлопа. В этих двух женщинах есть что-то, у чего все время оказываешься на поводу. Выходишь на сцену и молодеешь: ножки начинают иначе ходить, а глазки иначе смотреть.

– А что вас "греет" в "Трудных людях"?

– К сожалению, эта пьеса меня давно «не греет». Абсолютно. И произошло это очень скоро после того, как мы стали играть спектакль. Главное в нем – это три моих партнера: Валя Гафт, Игорь Кваша. Третьего играют в очередь Гарик Леонтьев и Саша Назаров – замечательный артист. Это чудное партнерское чувство «греет» меня, хотя иногда это у нас не получается. Иногда не хватает сил его «поднять» и выдержать только на своих плечах, потому что в пьесе заложено мало... Но там есть повод для любви, нежности и трогательной детской пронзительной обиды за невостребованность. И еще там есть тема беженцев, людей, живущих не сре-

ди своих. У кого не было дома и никогда не будет. Интонация, которая там висит в воздухе, будет всегда современной. И то, что удается «ухватить» эту интонацию, – это в первую очередь заслуга Галины Борисовны Волчек. И когда звучит эта тихая некрикливая интонация бездомности, обиженности, кротости, спектакль удается. Мне кажется, это хороший спектакль, хотя я его никогда не видела. Но зритель почему-то аплодирует недолго. Хотя после других, гораздо менее значительных спектаклей, бывают долгие аплодисменты. Это, наверное, потому, что здесь тихий, скромный финал. А я люблю, когда долго аплодируют. (Сместся).

– Возвратимся ненадолго к кино. Как-то в беседе с одним замечательным актером, я услышал такую фразу: "Фильмы есть, но ролей нет!" У вас такое бывало?

– Годами бывало так, что играла то, о чем и вспомнить неприятно. Тогда я поняла, что можно вообще не сниматься. Много отказывалась, много пропустила. И вот так жизнь проходила без съемок. А я люблю кино. Очень. Каждый раз надеешься: а вдруг что-то получится. Но должен быть хороший режиссер. В одиночку там не прорваться.

– Но все же вы не станете отрицать, что в кино вам повезло?

– Конечно! Одно то, что ко мне нежно относятся Эльдар Рязанов и мы с ним подружались – это огромное везение. Если бы не он, так бы и мелькала в эпизодах. И в последнем его фильме «Старые клячи» у меня замечательная роль. В нем у меня опять чудные, блистательные партнеры: Ира Купченко, Света Крючкова, Люся Гурченко, Валя Гафт, Рома Карцев. Там было над чем помучиться, что сыграть. Ожидание того, как пройдет картина, как ее примет зритель, – все это входит в понятие «жизнь и работа актрисы». Лучше напороться на неудачу, чем отказать себе в такой радости, как процесс. Кино – это процесс, а театр – это спектакль.

– Не могу не вспомнить ваш замечательный телефильм «Бред вдвоем» по пьесе Ионеско, где вы составили блистательный дуэт с Геннадием Хазановым. Мне кажется, он был значительным явлением в нашем искусстве. Как вы думаете, почему этот фильм не получил должного отклика ни в прессе, ни у зрителя?

– Об этом у вас хочу спросить. Для меня это загадка. В любой части света, куда бы я ни приезжала, меня спрашивают об этом фильме. Многие талантливые и умные люди говорили мне, что это – серьезное явление. Режиссер этого фильма Борис Мильграм, ученик Анатолия Васильева – никогда раньше не снимал кино. А тут вдруг решился. Я носилась с этой пьесой давно, просто влюблена была в нее. Хотела делать ее с моим постоянным партнером Мишей Жигаловым, но Мильграм пригласил Гену Хазанова. Гена оказался совершенно «сумасшедшим» партнером, в нем проявился замечательный драматический актер. Сейчас он меня зовет к себе в театр Эстрады сыграть что-то новое. Он создал такой «полигон» для актеров, желающих попробовать себя вне своего театра. Единственный недостаток театра Эстрады – огромный зал. Фокин, например, этого не потерпит. Если бы я тут пригласила поставить спектакль Резо Габриадзе, он бы упал в обморок и его не сразу бы откачали. (Смеется).

– Может быть, российский зритель недорос еще до Ионеско?

– Нет, что вы! Российский зритель до всего уже дорос и даже перерос. А в чем дело, я не знаю. Для того, чтобы сейчас кинофильм вышел на серьезную «орбиту», надо очень хорошо поработать и режиссеру и продюсеру. Сейчас выстроилась сложная система взаимоотношений с критикой, прокатом и так далее. Я уже поняла, что все зависит не от того, какой фильм, а от того, кто к нему причастен. Фильм может быть блестящим, но в нем заняты неизвестные актеры. Или наоборот – надоевшие. Фильм может быть даже уникальным, таким, как «Вино из одуванчиков» Игоря Апасяна, который имел немало призов на фестивалях. Но ни один наш телеканал не хочет его покупать, сколько бы я ни унижалась, ни умоляла продюсеров. О нем даже критики ничего не пишут.

– Кстати, о критике. Помогает ли вам она, волнует ли вас то, что вы читаете о своих спектаклях?

– Трудно ответить. Если очень сильно оскорбляют, это так больно! И даже если ты не хочешь читать, то все равно статья тебя где-то настигнет. Бывает и наоборот: хвалят незаслуженно. Ты понимаешь, откуда дует

ветер, ведь критика разная бывает, разные газеты. Тогда это не радует. Но бывает такой анализ, который приносит радость, заставляет задуматься. Но я давно не читала о себе такого, да, наверное, и не дождусь.

– А может ли критическая статья что-то изменить в первоначальном рисунке роли?

– Я могу задуматься и что-то новое может во мне «прорасти». Все же появляются иногда мудрые люди. Нынешней зимой в Новосибирске на фестивале собрали мастер-класс Инны Соловьевой. Обсуждался спектакль Римаса Туминаса «Маскарад». Я видела этот спектакль, и мне показалось, что он – совершенно не тема для Соловьевой. Но ее анализ разбил его на клочья. Анализ был уважительный, умный, тонкий, изящный. Одно слово – Инна Соловьева! Но если бы я была участницей спектакля, ее разное принес бы мне страдания.

– В последнее время вы много играли на стороне, в антрепризах. Это – от неудовлетворенности работой в своем театре, от творческой незагруженности?

– В театре я уже больше двух лет ничего не делаю. И не светит. Я же не могу сидеть дома, играя раз или два в неделю. За это время я снялась у Рязанова и сыграла спектакль у Фокина. Сидя без работы, я придумываю себе что-то новое. До этого была «Персидская сирень», которая тоже стала следствием «безработицы». С ней я объездила полмира, было столько радости! Это более достойно, чем ждать ролей и повышения зарплаты в театре, где ты в данный момент не нужен. Потом, когда ты все же будешь востребован, окажется, что ты находишься в хорошей творческой форме. Кроме того, я же не участвую в халтурных антрепризах, где все случайно: драматург, режиссер, партнер. Этого я не переношу. Сейчас опять наступило некоторое состояние покоя, и я задумываюсь о новой «истории». Слава Богу, есть к кому обратиться, кто возьмет на себя и финансовые, и организационные хлопоты.

– Значит, у вас есть люди, которые ради вас могут заниматься организацией театрального дела?

– О, да! Мне в жизни в этом смысле безумно, невероятно повезло! У меня есть друг, или скорее – ангел. Лет десять назад появился в моей жизни театральный администратор, а теперь – продюсер, Ефим Спектор. Он был раньше морским офицером, потом директором театра. Этот человек выбрал меня, сделал ставку на такую актрису, как я. Мы сделали с ним уже четыре спектакля. Он порой терпит страшные неудобства. Например, для «Старосветской любви» Саша Боровский сделал изумительную декорацию, но для ее перевозки потребовался двенадцатиметровый трейлер. И это еще не самая главная проблема. И наш продюсер все сносит стоически. Он сначала думал, что самое страшное – это Ахеджакова и Ступка, но оказалось, что может быть кое-что страшнее. (Смеется). А теперь придумывает еще один проект, где будет человек двадцать актеров.

– Лия Меджидовна, не так давно вы сказали: "Закаляю характер, перехожу черту, за которой меня будет трудно обидеть". Как это понимать?

– Да, закаляю характер. И стараюсь никогда не выражать в себе обиду и не обижать других людей. С обидой нельзя жить. Она портит характер и уносит здоровье, съедает талант, рождает зависть. Я борюсь с собой как могу. Как только чувствую в себе подобные «ростки», стараюсь их задушить. Потому что знаю, чем это чревато.

– Однажды вы назвали сцену в Ярославском театре «намоленной». Так говорят об иконах.

– Может быть, это кощунство, богохульство... Когда мы были на гастролях в театре Ивана Франко, где работает Ступка, ко мне подошла женщина и сказала, что их сцена любит, чтобы актер, в первый раз выходящий на нее, сказал: «Здравствуй, сцена! Как ты поживаешь? Счастья тебе и удачи!» Вот это и есть намоленная сцена, которой хочется сказать такие слова. Это чувствуется моментально. И там так играется... Там какой-то замечательный актерский дух, дух самоотдачи. Там чувствуешь и слезы, и радость, которые случились в этой сцене. Там этим пропитаны кулисы, там сквозняк не вреден, он не продувает легкие. Вот у нас в «Современнике» сцена, хотя и не старая, но на ней хорошо. Я бы с ней поздоровалась. Не дай Бог попрощаться.

Беседовал Павел ПОДКЛАДОВ

● Богдан Ступка и Лия Ахеджакова в спектакле «Старосветская любовь»
Фото В.ПЕРСИЯНОВА

